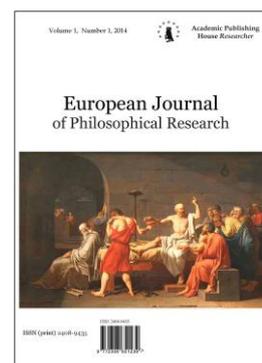

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.
ISSN: 2408-9435
E-ISSN: 2413-7286
Vol. 6, Is. 2, pp. 77-90, 2016

DOI: 10.13187/ejpr.2016.6.77
www.ejournal17.com

UDC 1

History and Philosophy of Science: Main Stages and Paradigmas

Sergey A. Lebedev

Bauman Moscow State Technical University, Russian Federation
5, 2-nd Baumanskaya, Moscow 105005
Doctor of Philosophy, professor
E-mail: saleb@rambler.ru

Abstract

The article reconstructed the content of the main stages and the main concepts of philosophy of science in its historical development. The two historical stages of the development of philosophy of science are: "metaphysical" and positive. In the first stage, the philosophy of science was immanent part of the philosophy as a theoretical form of world outlook, namely the philosophical theory of scientific knowledge, or "epistemology". In the second stage of its evolution, philosophy of science became part of the consciousness of the science in its endeavor to realize its objectives, the facilities and grounds. In the second stage, the philosophy of science has evolved through three States: classical, nonclassical and postnonclassical. Each of them was represented by a number of alternative conceptions or paradigms. The most complete and adequate of them were positive-dialectical paradigm. It is based on the recognition of the fundamentally contradictory nature of both the structure of science and scientific knowledge, and its development.

Keywords: science, epistemology, philosophy of classical science, nonclassical philosophy of science, postnonclassical philosophy of science, the positive-dialectical paradigm.

Для того чтобы понять, каково содержание предмета и структуры современной философии науки, необходимо проследить историю ее формирования. Философия науки в своем развитии прошла ряд этапов. Первый этап ее развития начался в античности и продолжался до середины XIX века. Это был этап изучения науки с позиций классического понимания философии как метафизики, где научное познание изучалось как особый вид когнитивной деятельности человека в рамках общей теории сознания как главного предмета философии.

Этот этап в осмыслении научно-познавательной деятельности имел вектор от философии к науке, к тому, чем должна быть наука с позиций общей философской теории сознания. В рамках этого этапа были созданы и конкурировали между собой две основных парадигмы философии научного познания: эмпиризм (крайняя форма – сенсуализм) и рационализм (крайняя форма – априоризм). Различные концепции философии науки первого этапа подробно изучаются в общем курсе философии при рассмотрении различных теорий познания в истории философии. Поэтому мы не будем рассматривать содержание этого этапа. Второй крупный этап в развитии истории философии науки начался в середине 19 века и продолжается до сих пор. Именно этим временем датируется начало возникновения

современной философии науки. Ее вектор в осмыслении феномена науки имел противоположную направленность по сравнению с классической философией науки. Он имел направление формирования содержания философии науки от эмпирического изучения реальной науки и ее истории к построению адекватных общих (философских) моделей науки и научного познания. Здесь главной целью философии науки является ответ на вопрос не о том, какой наука должна быть с позиций некоторых идеальных представлений философии о сознании, а о том, какой наука реально является со всеми своими «плюсами и минусами». Такая модель науки была возможна только как продукт самосознания науки и ученых над целями, содержанием, структурой, методами, функциями и возможностями науки и научного познания. Современная философия науки прошла в своем развитии три главных этапа: классический, неклассический и постнеклассический. На каждом из них был сформулирован ряд альтернативных концепций или парадигм науки, которые и будут рассмотрены ниже [7].

1. Классическая философия науки.

Бурное развитие конкретных наук, начиная с Нового времени, рост их значения в культуре и реальной жизни общества не могли не породить стремления ученых и философов к пересмотру безраздельно господствовавшего ранее понимания философии как «науки наук». Но впервые достаточно четко эта проблема была поставлена лишь в 30-х годах XIX в. в рамках такого нового направления философии как позитивизм. Его основоположниками были О. Конт, Г. Спенсер, Дж. Ст. Милль, которые выдвинули лозунг освобождения конкретно-научного познания от господства традиционной философии как метафизики. Целью науки в отличие от поиска вечных и абсолютных истин метафизики был провозглашен поиск практических истин, служащих усилению господства человека над природой и повышения материального могущества общества, а также удовлетворения многообразных человеческих потребностей («Знание – сила» Ф. Бэкон). Однако, разработка нового понимания роли науки в обществе потребовала не только радикального пересмотра ее взаимоотношения с философией и религией, но и решения целого комплекса других проблем. Первая проблема. Как известно история развития теории научного познания в рамках философии как «метафизики» продемонстрировала возможность построения в ее рамках множества не просто различных, но и исключаящих друг друга концепций (Платон, Аристотель, Беркли, Лейбниц, Локк, Кант, Шеллинг, Гегель и др.). При этом каждая из этих противоположных концепций претендовала не просто на единственно верное представление о науке и научном методе, но и активно навязывала его научному сообществу. Возникал закономерный вопрос: а как быть реальным ученым по отношению к множеству противоположных философских концепций научного познания? Какой отдавать предпочтение? Вторая проблема. Насколько было оправдано высокомерное отношение философии к попыткам ученых собственными силами выработать представление о возможностях и методах научного познания? Третья проблема. Можно ли построить не философскую, а конкретно-научную по своим методам теорию научного познания, и если – да, то каким образом? Различные попытки ответить на эти вопросы и составили сущность эволюции позитивизма как направления философии науки, противоположного по своим установкам чисто философской («метафизической») теории научного познания, получившей в классической философии название «эпистемологии» как одного из разделов общей теории познания или «гносеологии». Эволюция философии науки как «не-метафизической» теории научного познания заняло достаточно длительный период, начиная от Конта и вплоть до настоящего времени. В ходе этой эволюции можно выделить три основных этапа: 1) классическую философию науки (эмпирико-индуктивизм Конта и Милля, эмпириокритицизм Мах, конвенционализм Пуанкаре и Дюгема, прагматизм Пирса, операционализм Бриджмена, логический позитивизм Рассела, карнапаи Рейхенбаха и др.); 2) неклассическую философию науки (постпозитивизм Поппера, Лакатоса, Фейерабенда, Куна и др., эволюционная эпистемология и др.) и 3) современную постнеклассическую философию науки (культурно-исторический анализ структуры и динамики науки и научного знания, социология науки и научного познания, радикальный конгструктивизм, постструктурализм, синергетическая парадигма науки и научного знания, позитивно-диалектическая концепция и др.). Рассмотрим содержание основных этапов эволюции философии науки как особой области знания более подробно. Отметим то характерное обстоятельство, что эволюция оказалась созвучной («резонансной») общей

истории науки от Нового времени до настоящего времени, прошедшей также три этапа своей эволюции: классический, неклассический и постнеклассический (современный).

Возникновение философии науки как самостоятельной философской дисциплины имело под собой серьезные культурно-исторические основания. К их числу относятся:

- 1) заметно возросшая к этому времени (даже по сравнению с XVIII в.) относительная самостоятельность науки как подсистемы культуры;
- 2) ориентация новой европейской науки (science) на результаты экспериментов и систематических наблюдений («факты») как на свой особый и необходимый фундамент;
- 3) тесная связь science с практикой, нацеленность науки на применение результатов научного познания в технических и технологических целях;
- 4) высокий престиж науки в обществе, понимание ее значения как одного из важнейших факторов развития общества.

По мнению первых позитивистов, основными задачами разработки позитивной философии науки должны были стать следующие:

- 1) создание общенаучной картины мира путем обобщения содержания науки своего времени;
- 2) построение гносеологии науки (эпистемологии) путем обобщения реальной познавательной деятельности ученых в разных областях науки; установление таким же способом общей структуры научного познания и его динамики; таким образом, основу эпистемологии должно составлять исследование того, как в разных науках ученые реально получают факты, законы, теории и каким образом реально обосновывают их;
- 3) описание социальных функций науки путем эмпирического исследования реальных взаимосвязей между наукой и обществом.

С точки зрения первых позитивистов гносеологическое различие между прежней («метафизической») эпистемологией и новой философией науки («позитивной») было столь же принципиальным, сколь и различие между философией природы (натурфилософией) и физикой как конкретной наукой, или сколь различие между традиционной философией общества и научной социологией, которую еще предстояло только создать. Во всех этих случаях мы имеем дело, с одной стороны, с общими умозрительными философскими рассуждениями о том, какими должны быть природа, общество или научное познание, а с другой – с эмпирическим изучением и описанием того, какими они фактически или реально являются. Очевидно, что это – принципиально разные проблемы, как и их возможные решения. Главными итогами реализации нового понимания философии науки явились: 1) построение Г. Спенсером общей научной картины мира своего времени, разработка им классификации наук и создание истории естествознания; 2) разработка эмпирико-индуктивистской методологии научного познания (Дж. Ст. Милль); 3) формулировка программы конкретно-научного исследования общества и его законов (идея создания «социальной физики» – О. Конт).

Эмпирико-индуктивизм

Если говорить об общих гносеологических взглядах первых позитивистов, то они могут быть кратко охарактеризованы как эмпирико-индуктивизм. Согласно этой концепции научного познания источником, основой и критерием истинности научного знания должен быть только эмпирический опыт (данные наблюдения и эксперимента – «факты»). Методом же открытия и обоснования научных законов (под которыми, прежде всего, имелись в виду причинно-следственные зависимости между явлениями) считался индуктивный метод. Однако это должна была быть не традиционная перечислительная индукция Аристотеля и схоластов, а индукция, понимаемая как элиминация гипотез, претендующих на звание причинного закона, путем их сопоставления с данными опыта и отбраковки ложных предположений в случае обнаружения противоречия следствий этих гипотез эмпирическим данным. Дж. Ст. Миллем был разработан ряд такого рода индуктивных средств отбора гипотез, получивших название «методов установления причинно-следственных связей»: метод сходства, метод различия, объединенный метод сходства и различия, метод остатков, метод сопутствующих изменений. Эти методы были подробно изложены Миллем в его знаменитой работе «Система логики силлогистической и индуктивной». Однако, уже к концу XIX в. многим ученым и философам (в том числе и самим позитивистам) стала

очевидной неадекватность эмпирико-индуктивистской модели научного познания при ее сопоставлении с реальной познавательной практикой ученых. Основываясь на материале реальной науки и ее истории, критики эмпирико-индуктивистской модели научного показали, что: а) реальное научное познание не обязательно и не всегда начинается с данных наблюдения и эксперимента (например, в математике и теоретическом естествознании); б) открытие научных законов и теорий осуществляется не только с помощью индукции, но и с помощью других методов (гипотезы, аналогии, интуиции, идеализации, конструктивного мышления и др.); в) по своим логическим возможностям любая индукция, в том числе и методы Милля, принципиально не способны быть средством доказательства истинности научных законов (в том числе и причинных), а в лучшем случае – только способом подтверждения их истинности или доказательства вероятности этой истинности [2; 3].

Все эти аргументы послужили основанием критики первого позитивизма и начала нового этапа его эволюции – эмпириокритицизма и конвенционализма (Э. Мах, А. Пуанкаре, П. Дюгем и др.). Представители этого этапа вполне справедливо отмечали тот факт, что процесс открытия научных законов и теорий это вообще не чисто логический, а весьма сложный психологический и творческий процесс, в котором существенную роль играют продуктивное воображение и интуиция ученого. Это имеет место как в естествознании, так и в математике. Подтверждением этому явился анализ реальной познавательной деятельности таких ученых как Г. Галилей, И. Кеплер, И. Ньютон, А. Пуанкаре, Г. Кантор, Дж. Максвелл, Л. Больцман и др.

Эмпириокритицизм и конвенционализм

В рамках этого этапа эволюции позитивизма было четко осознано, что путь от фактов (данных наблюдения и эксперимента) к научным законам и теориям не является ни строго однозначным, ни чисто логическим. Внимательный анализ таких общепризнанных научных теорий как классическая механика И. Ньютона, термодинамика, молекулярно-кинетическая теория газов Л. Больцмана и др. показывал, что их содержание не только не могло быть индуктивным обобщением эмпирических фактов, но что оно вообще никак не могло быть выведено из данных опыта. Дело в том, что в составе этих физических теорий имелись идеализированные (или идеальные) объекты. Такие, например как материальная точка, идеальный газ, абсолютное время, абсолютное пространство, абсолютно изолированная система, абсолютно инерциальная система, мгновенная передача воздействия на любое расстояние (принцип дальнего действия), абсолютная одновременность некоторого события во всех системах отсчета, абсолютно черное тело, абсолютно белое тело, абсолютный хаос (абсолютное термодинамическое равновесие) и т.д. Эти идеальные объекты в принципе не наблюдаемы, а потому не могут быть предметом чувственного познания или эмпирического исследования. Поэтому научные теории принципиально не могут быть логически выведены из опыта. Они создаются конструктивной деятельностью мышления в качестве надстройки над эмпирическим знанием в качестве его идеальных схем. Конечно, поскольку задачей научных теорий является максимально объяснение имеющихся эмпирических фактов определенной предметной области, а также предсказание новых, постольку это служит существенным ограничением конструктивной свободы мышления при создании теорий. Однако, хотя эффективная эмпирическая интерпретация всегда предполагается при создании любой теории, однако ее наличие является только необходимым условием оценки состоятельности научной теории, но отнюдь не достаточным.

Еще более сложным для второго позитивизма оказался вопрос о природе математического знания и методах его получения и обоснования. Ведь уже с построением неевклидовых геометрий (Н. Лобачевский, Я. Бойаи, Б. Риман) и их принятием математическим сообществом в 70-е годы XIX в. в качестве столь же полноценных теорий, сколь и геометрия Эвклида, стало очевидным, что математические теории имеют явно не эмпирическую природу как в плане своего происхождения, так и обоснования. Их успешное применение в других науках не может выступать и доказательством их истинности. Но таким критерием не может выступать и традиционное требование интуитивной очевидности аксиом математических теорий. Дело в том, что любая интуитивная очевидность всегда: а) субъективна, б) относительна, в) во многом является

делом привычки, следствием образования сложившихся в математическом сообществе стереотипов очевидности. В частности, неевклидовы геометрии долгое время не принимались математиками именно потому, что большинству живущих в XIX в. математиков аксиомы геометрии Эвклида казались интуитивно более очевидными, чем аксиомы геометрий Лобачевского или Римана. Столь же несостоятельными оказались попытки философов обосновать безусловную истинность эвклидовой геометрии (и соответственно ложность неевклидовых геометрий) утверждением априорного характера содержания эвклидовой геометрии и невозможностью для нашего сознания представить истинной какую-то другую геометрию (И. Кант). Последующее принятие математиками неевклидовых геометрий в качестве полноценных теорий привело их к необходимости пересмотра старых критериев истинности математического знания (его согласия с эмпирическим опытом и интуитивной очевидности аксиом) и выработки новых. В результате новыми критериями их истинности стали: 1) внутренняя логическая непротиворечивость математических теорий, 2) их доказательность, 3) их внутри математическая полезность и полезность в приложениях (не обязательно эмпирических или практических). Моделями для математических теорий могли служить не только эмпирические факты, но и другие математические теории, а их эффективность могла проявляться в решении имеющихся математических проблем и обеспечении развития математического знания в целом.

Анализ особенностей реального процесса научного познания привел к возникновению в философии науки конца XIX – начала XX века также такой новой концепции научного познания как конвенционализм [10]. По целому ряду трактовок процесса научного познания конвенционализм отличался не только от эмпирико-индуктивизма Конта и Милля, но и от эмпириокритицизма Маха, согласно которому научные теории это лишь наиболее экономное описание эмпирического опыта. Основными представителями конвенционализма были такие крупные ученые как А. Пуанкаре и П. Дюгем. Одной из главных заслуг конвенционализма явилось то, что его представители первыми осознали и доказали невозможность решения проблем истинности и объективности научного знания не только с позиций эмпиризма, но и с позиций априоризма. С их точки зрения это особенно очевидно по отношению к научным теориям, которые, с одной стороны, не являются логическим обобщением эмпирических фактов, а, с другой, не имеют априорного характера или каких-то окончательных и бесспорных оснований в человеческом разуме, как это полагали ранее Декарт, Кант или Гегель. Согласно конвенционалистам все научные теории, во-первых, являются результатом конструктивной деятельности мышления, которое является по самой своей природе не аналитическим, а синтетическим и творческим процессом. Во-вторых, как принятие, так и непринятие любых результатов мышления является делом свободного выбора субъектов научного познания и основано на их когнитивной воле. В-третьих, принятие решения об истинности тех или иных исходных понятийных конструкций является по самой своей сути делом конвенции для всех реальных субъектов научного познания и не может быть ничем другим. С точки зрения конвенционалистов апелляция же к необходимости философского обоснования научных теорий лишь запутывает ситуацию, но отнюдь не способствует ее решению. В своей конкретной аргументации сторонники конвенционализма обращались, прежде всего, к математическим теориям, но также и к теориям из области естественных и социально-гуманитарных наук. Истина, считали конвенционалисты, безусловно, является важной и необходимой характеристикой научного познания, но только саму научную истину следует понимать не как результат детерминации мышления со стороны эмпирического опыта, а как результат соглашения между учеными. Соответственно, то, что считается сегодня истинным в науке, в принципе может быть пересмотрено в будущем. Следует признать вместе с конвенционалистами, что конвенции действительно играют большую роль в научном познании: определение значения всех научных терминов; принятие определенной системы логических законов и правил; выбор системы аксиом основных законов и принципов научной теории; выбор эталонов, систем единиц и правил измерения в той или иной науке и т.д. Однако представители конвенционализма явно не правы, когда утверждают конвенциональный характер всех научных истин. Здесь они не правомерно абстрагируются от таких реальных факторов научного познания как-то : а) существенное

влияние содержания познаваемых объектов на содержание научного знания, б) социально-детерминированный характер процесса принятия самих научных конвенций, в) логическая взаимосвязь одних научных понятий и суждений с другими (в том числе зависимость любых новых конвенций от уже существующих, а всех их вместе от объективно сформировавшейся в ходе эволюции культуры системы естественного языка, который составляет необходимую основу и часть любого научного языка) [1].

Неопозитивизм

Новой ступенью развития классической философии науки стал неопозитивизм, возникший в начале XX века и ставший в этой области знания на долгие годы ведущим направлением. Особенно сильным было влияние такого варианта неопозитивизма как логический позитивизм или логический эмпиризм. Его создателями были Б. Рассел, Л. Витгенштейн, М. Шлик, Р. Карнап, Г. Рейхенбах и др. Что не устраивало сторонников логического эмпиризма в эмпириокритицизме как предшествующей версии позитивизма? Прежде всего, сведение эмпириокритиками задач философии науки к теории научного творчества и описанию организационных механизмов функционирования науки и научного знания. Но больше всего их не устраивали исторические и психологические методы анализа и решения эмпириокритиками проблем философии науки. Обвинив эмпириокритиков в психологизме, неопозитивисты утверждали, что методы эмпириокритиков являются слишком расплывчатыми для статуса такой строгой науки, какой должна быть философия науки. Из этой ситуации, с точки зрения неопозитивистов, есть только следующий выход: во-первых, ограничение предмета философии науки только языком науки, а, во-вторых, построение эталонного (идеального) научного языка с помощью методов таких строгих наук как математическая логика и логическая семантика. К этому времени обе эти дисциплины были на подъеме и достигли замечательных результатов в решении проблем построения строгих логических моделей доказательств и рассуждений. Логический анализ научного знания, структуры научных теорий, их доказательности, уточнение смысла и значения всех фундаментальных понятий реальной науки средствами математической логики и логической семантики – вот суть программы философии науки логического позитивизма. Однако мощные усилия логических позитивистов в течение 50 лет реализовать эту программу показали явную ограниченность заявленных ими методов реконструкции научного знания. Язык реальной и успешно функционирующей на практике науки явно не соответствовал тем стандартам и меркам, с позиций которых к нему подходили логические позитивисты. Структура реального научного знания явно не укладывалась в прокрустово ложе идеальных схем современной формальной (математической) логики.[15] В итоге программа логического позитивизма оказалась реализуемой лишь частично: только в самой логике и лишь частично в математике (да и то с существенными ограничениями – результаты А. Черча, К. Геделя, Б. Рассела и др.). Она оказалась весьма плохо реализуемой в естественных науках (где попытки применить строгие формально-логические стандарты анализа и реконструкции языка этих наук были явным насилием над ним; показательными в этом отношении были явно схоластические работы А.А. Зиновьева типа построенной им системы «логической физики» и т.п.). И, наконец, философия науки логических позитивистов потерпела полное фиаско в социально-гуманитарных науках, язык которых не только весьма далек от формально-логических канонов его построения, но и потому, что само социально-гуманитарное знание выражается с помощью дискурса лишь частично и достаточно приблизительно. Здесь существенную роль играют также такие средства и методы как понимание, коммуникации (как когнитивные, так и социальные), большой объем неявного знания, в том числе личностного и др.

Основу общей модели научного знания и познания логического позитивизма составили следующие положения, впоследствии получившие название «эпистемологические догмы логического позитивизма»:

- 1) научное знание имеет два основных уровня: эмпирическое и теоретическое знание; при этом второе частично сводится к первому и контролируется им;
- 2) научная теория это дедуктивно организованная система высказываний об основных законах изучаемой предметной области;
- 3) из научной теории логически выводятся эмпирически проверяемые следствия;

4) единственным критерием истинности и обоснованности научных теорий должна быть только степень их соответствия данным наблюдения и эксперимента.

Сравнение этих положений с реальной наукой и ее историей показало, что они явно не соответствуют структуре реального научного знания и познания и их динамике. Они оказались значительно сложнее представлений о них позитивистов. Во-первых, структура реальных научных теорий состоит не из двух, а из четырех качественно различных по содержанию уровней знания: чувственного, эмпирического, теоретического и метатеоретического. Во-вторых, научная теория имеет собственное (идеальное) содержание, которое не сводимо ни полностью, ни частично к эмпирическому знанию. В-третьих, научные теории являются относительно самостоятельными когнитивными системами в общей структуре научного знания. При этом они не только не находятся под полным контролем и управлением со стороны данных наблюдения и эксперимента, но скорее сами контролируют и интерпретируют эмпирическое исследование и его результаты. В-четвертых. Только математические теории являются дедуктивно организованными (аксиоматическими) системами. Подавляющее же большинство теорий естествознания и социально-гуманитарных наук организованы не-дедуктивным образом. В-пятых. Из теорий самих по себе непосредственно, чисто логически не могут быть выведены эмпирически проверяемые следствия. Такие следствия можно вывести только из более сложной системы: «теория + её конкретная эмпирическая интерпретация», которая только и сопоставляется с опытом. В-шестых. Соответствие эмпирически интерпретированной теории некоторому множеству фактов является лишь одним из критериев ее обоснованности и истинности. При выборе той или иной теории в качестве наиболее предпочтительной среди других гипотез используется также система других критериев кроме эмпирического. Это: 1) логическая непротиворечивость теории; 2) ее простота; 3) согласие теории с другими теориями, 4) доверие к данной теории к ней со стороны профессионального дисциплинарного научного сообщества, особенно среди его лидеров; 5) эвристичность теории. Мощная критика логического позитивизма за явное несоответствие его моделей реальному научному познанию, неспособность эффективно решать многие проблемы философии науки и, в частности, проблему выбора теорий, проблему развития науки и научного знания, исключение логическими позитивистами из своих моделей структуры и динамики науки реальных субъектов научного познания, а также абстрагирование от исторического, социального и психологического контекстов научного познания – всё это привело уже в начале 70-х годов XX в. к кризису логического позитивизма и его уходу со сцены философии науки в качестве одного из ее главных действующих лиц. Несколько более жизнеспособным оказалось второе направление неопозитивизма – философия лингвистического анализа языка науки (Г. Райл, Дж. Остин и др.). Лингвистические неопозитивисты разделяли позицию логических позитивистов только лишь в том, что предметом философии науки должен быть язык науки. Однако в отличие от логических позитивистов они считали, что а) это должен быть язык реальной науки, а отнюдь не его искусственно сконструированный образец с помощью средств математической логики; б) язык реальной науки это специфический вид языковой игры с достаточно широким набором правил, применение которых в существенной степени определяется задачами общения субъектов научного познания и варьируется достаточно широко в зависимости от предмета, целей и контекста научного исследования (концепция языковых игр Л. Витгенштейна) [9; 14].

2. Неклассическая философия науки

В 60-70-х годах XX в. на смену классической философии науки во главе с позитивизмом в зарубежной философии науки приходит новый этап – неклассическая философия науки, получившая условное название «постпозитивизм». Его основные представители: К. Поппер, И. Лакатос, П. Фейерабенд и др. В отличие от логических позитивистов они считали главным предметом философии науки не проблему структуры научного знания, а проблему его динамики и развития. К. Поппер создает в качестве альтернативы логическому эмпиризму концепцию критического рационализма и фальсификационизма, которая явилась своеобразным синтезом эмпиризма и конвенционализма. Конечно, постпозитивизм был связан мощной пуповиной с эмпиризмом как эпистемологией науки. Его представители попытались выйти лишь за пределы

логического эмпиризма. Что же их не устраивало в последнем? Во-первых, вера в то, что именно эмпирический опыт выступает в науке если и не в качестве средства доказательства истинности научных законов и теорий, то, по крайней мере, в качестве критерия подтверждения их истинности. Р. Карнап и Г. Рейхенбах пытались даже построить системы индуктивной логики, с помощью которых можно было бы количественно определять степень подтверждения теории фактами. Однако, все попытки построения такой вероятностной индуктивной логики окончились неудачей, имевшей принципиальные основания. В отличие от логических позитивистов Поппер предложил радикально изменить взгляд на функцию опыта по отношению к теориям. С его точки зрения назначение эмпирического опыта в науке состоит отнюдь не в том, чтобы подтвердить или внедрять истинные теории (для этого у опыта просто не хватает «силенок»), а в том, чтобы распознавать, критиковать и опровергать ложные теоретические гипотезы. Это конечно более слабая эпистемологическая задача, чем распознавание истинных теорий, но зато согласно Попперу – вполне выполнимая. Так появилась фальсификационистская доктрина Поппера. Однако фальсификационистский эмпиризм Поппера был куплен весьма дорогой ценой с позиций правоверного или догматического эмпиризма. Такой ценой оказалось допущение Поппером идей конвенционализма в стан эмпирической философии науки. Правда, при этом Поппер был решительно не согласен с утверждениями конвенционалистов о конвенциональном характере научных теорий. Однако, он охотно допускал конвенционалистскую интерпретацию истинности эмпирического знания в науке. Поппер полагал, что принятие учеными эмпирических фактов в качестве истинных утверждений является, безусловно, делом конвенции. И оно не может быть другим, иначе абсолютно неизбежен логический регресс в бесконечность при обосновании сначала эмпирического, а затем и теоретического знания. А это означало бы разрушение веры ученых в возможность достижения в науке объективно-истинного и обоснованного знания, что допустить никак нельзя. Но самым неприятным последствием фальсификационизма Поппера явился его фаллибилизм в понимании гносеологического статуса теоретического знания. Согласно Попперу все научные теории и законы потенциально ложны и рано или поздно будут опровергнуты опытом. Это вытекает из того, что любой закон и теория имеют всегда всеобщий характер. Но такая претензия на всеобщность всегда имеет под собой в качестве реального основания только конечный человеческий опыт, который принципиально является неполным по отношению к содержанию объективной действительности, а потому рано или поздно эта претензия будет скорректирована действительностью и, как правило, в сторону опровержения. Об этом по Попперу убедительно свидетельствует вся история научного познания. Поэтому реально, на что может претендовать теоретическое познание в науке, так это только на создание теоретических гипотез, которые пока не противоречат имеющимся истинным эмпирическим фактам. Постпозитивистские концепции динамики науки и научного знания ученика Поппера И. Лакатоса, предложившего концепцию науки как множества конкурирующих исследовательских программ, а также создание П. Фейерабендом анархистской методологии науки, отрицавшей существование в науке неких нормативных методологических предписаний как абсолютно обязательных, и вредность такой методологии для прогресса науки развивались в том же русле фальсификационизма и скрещивания идей эмпиризма с идеями конвенционализма, что и у Поппера. При этом Лакатос уже допускал конвенциональный характер концептуального ядра (основы) любой научно-исследовательской программы (а потому и ее принципиальную неопровержимость опытом), а Фейерабенд – конвенциональный характер любых элементов научного знания и правил действий ученых [4; 11]. «Anything go» – вот единственное кредо, которому должен следовать любой сильный ученый. Согласно Фейерабенду, в науке любой успешный результат автоматически оправдывает и то средство, которым он был получен. А потому единственным универсальным средством развития научного знания может быть только метод проб и ошибок. Идея существования в науке некоего универсального научного метода это не более чем историческая иллюзия или демагогия консерваторов от науки.

К концу XX века в развитии философии науки наступает ее новый этап – постнеклассическая философия науки. На смену постпозитивизму приходят концепции, решительно порывающие с эмпирической (позитивистской) традицией в понимании природы, структуры и движущих сил развития науки и научного знания. Предпринимаются

попытки создания моделей научного познания не на основе противоречия между теорией и опытом как главной движущей силы развития научного познания, а на более широкой основе, включая социальные, антропологические, ценностные и инновационные детерминанты и мотивации в развитии научного знания.

3. Постнеклассическая философия науки

Основными течениями постнеклассической философии науки являются такие как социальная эпистемология, антропологическая эпистемология, радикальный конструктивизм, культурно-исторический анализ науки, синергетическая парадигма научного познания, позитивно-диалектическая эпистемология и философия науки и др. [5; 17].

Социальная философия науки была мощно заявлена в работах М. Фуко, Т. Куна, представителей институциональной и когнитивной социологии науки (Н. Коллинз, А. Сторер, Э.М. Мирский, Е.А. Мирская, А.Н. Авдулов, А. Юревич, М. Барбер, М. Малкей, Дж. Гилберт, Л. Лаудан и др.). Все они настойчиво подчеркивали принципиально социальный характер науки и научного познания, интегрированность науки в более широкие познавательные системы и контексты, зависимость функционирования и развития науки и научного познания от различного рода социальных факторов и детерминант. Причем не только и даже не столько факторов материального характера (производственные, экономические, технические и технологические проблемы и потребности развития общества), сколько социально-психологического и научно-организационного: теоретические и методологические стереотипы, степень востребованности креативных личностей, творческого и инновационного мышления в обществе и науке, господствующий в обществе менталитет граждан и их отношение к науке, уровень организации науки и научных исследований, качество научных приборов и оборудования, эффективность научно-технической политики государства и др. В рамках же гуманитарной, антропологической парадигмы философии научного познания (герменевтика, когнитивная психология, постструктурализм, теория научного творчества) ее представители всемерно подчеркивали роль субъективно-личностных факторов в функционировании и динамике научного знания. Этим фактором является, например, такой как качество самих субъектов научного познания (их познавательные и организационные способности, творческий потенциал, самоотдача в служении своему делу, степень интенции на проникновение в сущность явлений, волевой и личностный потенциал, стремление не только к эффективному усвоению имеющегося знания, но, прежде всего, к созданию нового, способность не только объяснять познаваемые явления, но и достигать их понимания, интенция в когнитивном поведении не на конформизм, а на защиту собственного видения предмета познания и др.).

Важным направлением постнеклассической философии науки явился также культурно-исторический анализ функционирования и развития науки и научного познания. Значительное развитие этот анализ получил в отечественной философии науки в последней четверти XX века (работы Н.В. Мотрошиловой, П.П. Гайдено, Л.А. Косаревой, В.С. Библера, В.С. Степина, М.К. Петрова, В.Л. Рабиновича, Г.Д. Гачева, М.К. Мамардашвили и др.). Наиболее глубокое теоретическое обоснование данного направления было дано в работах В.С. Степина [16]. Его исходным пунктом является акцентирование того обстоятельства, что наука и научное познание являются органическими подсистемами культуры, а потому всегда в своем функционировании и развитии испытывают серьезное влияние со стороны культуры как целого и всех ее подсистем. Конечно, наука, как и все другие подсистемы культуры, обладает относительной самостоятельностью и относительной независимости от других подсистем и имеет свою специфическую систему регуляторов, способов самоорганизации и внутренних закономерностей развития. Однако, все они имеют конкретно-историческое наполнение и в целом резонируют с культурно-историческими сдвигами в развитии цивилизации, отвечая на эти вызовы изменением своего содержания и степенью значимости влияния различных внутри научных факторов на развитие научного знания. Эта зависимость науки от изменений в культуре результируется изменением в идеологии науки: норм, методов и идеалов научного познания. Она особенно четко видна при смене типов цивилизационной динамики общества, приводящей и к смене культурно-исторических типов науки: древняя восточная наука, античная наука, европейская средневековая наука, наука эпохи Возрождения, классическая наука, неклассическая наука,

современная постнеклассическая наука. Центральной философской проблемой культурно-исторического анализа науки и научного познания является взаимосвязь и соотношение внутренней логики развития научного познания с изменением социокультурных условий ее существования. Является ли сила зависимости науки и научного познания от социокультурного контекста величиной постоянной или переменной и от чего она зависит?

Одним из важных и влиятельных концепций постнеклассической философии науки явился также радикальный конструктивизм. В отличие от культурно-исторической парадигмы философии науки представители радикального конструктивизма (Матурана, Бергер, Лукманн, Рот и др.) в своем объяснении процесса научного познания пытаются не апеллировать к социальным или культурно-историческим детерминантам динамики науки, а оставаться строго в рамках интерналистского подхода к объяснению развития и функционирования научного познания. Но тогда им приходится чрезмерно подчеркивать конструктивно-творческую природу научного познания на всех его уровнях: не только на теоретическом и эмпирическом, но даже и на чувственном уровне. Для них любой акт и результат познания есть конструкт, включая даже любой чувственный образ. Они – радикальные противники любых версий трактовки научного познания и содержания научного знания как отражения объективной реальности. Само понятие объективной реальности они также считают познавательным конструктом, но при этом неудачным, неприемлемым с точки зрения критического мышления. Методологическую ущербность данного конструкта они видят в том, что его принятие ведет к порождению догматизма в эпистемологии и философии науки. А это явно противоречит реальному плюрализму научного познания, как в его синхронии, так и особенно в диахронии при обращении к реальной истории науки, где одни концепции и подходы сменяются другими, часто радикально противоречащим первым при описании и объяснении одного и того же круга явлений. С точки зрения радикальных конструктивистов любой образ, понятие, высказывание являются в своем содержании не копиями познаваемых явлений, а лишь их репрезентантами (представителями), более или менее удачными. Вопрос же о степени их удачности решается, как правило, на основе прагматических соображений, с точки зрения их полезности для решения определенных практических проблем или на основе конвенции. Других способов оценки их приемлемости, согласно радикальным конструктивистам, просто не существует.

В последнее десятилетие возникла новая исследовательская программа в философии научного познания – синергетическая. Ее развивают в основном представители отечественной философии науки (В.И. Аршинов, Е.Н. Князева, В.Г. Буданов, В.М. Розин, В.Е. Лепский и др.). Они пытаются применить категориальный и методологический потенциал синергетики к моделированию развития научного знания. Упор делается при этом на трактовку накопленного научного знания как сверхсложной системы, состоящей из огромного по своей мощности множества самых разных единиц и подсистем научного знания, вступающих между собой (с помощью исследователей и их творческого потенциала) в огромное число самых разных отношений. Благодаря этому, а также взаимосвязи научного знания с объективной действительностью к научному знанию и научному познанию становится применимым понятие самоорганизующейся, открытой, диссипативной эволюционирующей системы. Общей теорией функционирования таких систем и является синергетика в ее общеметодологической интерпретации. Эта концепция находится только еще в начале своего развития, особенно в плане практического испытания ее предсказательных возможностей в отношении системы научного познания [12; 18].

4. Позитивно-диалектическая парадигма

На наш взгляд эта концепция является наиболее многомерной (полной) и универсальной среди современных концепций философии науки, имеющей при этом давнюю историю своей разработки в рамках отечественной философии науки. Эта концепция называется позитивной, потому что она ориентирована на изучение структуры и динамики реальной науки, рассматривая эмпирический анализ истории науки и ее реального современного функционирования в качестве отправной точки построения адекватной модели научного познания. И в этом ее сходство с позитивизмом. Правда, на этом ее сходство с позитивистской философией науки и заканчивается. Диалектической она

называется потому, что исходит из реальной противоречивости структуры и динамики научного знания, как фундаментального факта бытия науки.[6]. Начало разработки этой концепции восходит к развитию отечественной философии науки во второй половине XX века и в общем смысле представляет собой программу применения категориального аппарата диалектики к анализу реального процесса научного познания, его структуры и динамики. Существенный вклад в разработку позитивно-диалектической парадигмы науки внесли известные отечественные философы второй половины XX века (Б.М. Кедров, И.С. Нарский, Л.Б. Баженов, А.П. Огурцов, Д.П. Горский, А.И. Уемов, Н.Ф. Овчинников, В.С. Готт, Б.С. Грязнов, Е.К. Войшвилло, В.С. Швырев, В.А. Лекторский, В.И. Купцов, С.А. Лебедев, В.С. Степин и др.) [8]. Основными принципами позитивно-диалектической парадигмы науки являются следующие. **Первый принцип.** Наука и научное познание представляют собой не просто сверхсложные системы, а диалектические системы, то есть системы, состоящие из элементов и подсистем, противоположных по своим свойствам. Это чувственное и рациональное знание; эмпирическое, теоретическое и метатеоретическое знание; рассудок и разум; логика и творчество; интуитивное и дискурсивное знание и познание; внешняя детерминация содержания сознания и внутренняя; созерцательные и волевые действия сознания и познающего субъекта; сознательное (явное) знание и бессознательное (неявное) знание; априорное (предпосылочное) знание и апостериорное знание; анализ и синтез; индукция и дедукция; необходимое знание и вероятное ; субъективное и объективное знание; индивидуальное и коллективное в научном познании; биологически обусловленное и социально обусловленное в познании; инвариантное и изменчивое в познании и знании; относительное и абсолютное в познании и знании; аксиоматическое и выводное знание; конвенциональное и объективно-детерминированное содержание знания; прерывные и непрерывные процессы в познании; эволюционные и революционные периоды в эволюции содержания знания и технологиях познавательной деятельности и др. **Второй принцип.** Диалектически противоречивые системы знания и познания должны быть описаны логически непротиворечивым образом. Это нельзя сделать непосредственным образом, а только путем создания частных моделей, описывающих отдельные стороны процесса познания, которые являются гомогенными и непротиворечивыми. В результате должно возникнуть множество частных моделей описания сложной диалектической системы познания и знания, которые будут находиться в отношении дополнительности друг по отношению к другу при описании процесса научного познания в целом. В то же время все эти модели будут противоречить друг другу при попытке любой из них претендовать на универсальную значимость. **Третий принцип.** Как известно, основным способом построения частных моделей и программ исследования научного познания является принцип бинарной оппозиции. Он состоит в абсолютизации одного из реальных противоположных свойств научного познания в качестве основного для характеристики сущности всего процесса познания: сенсуализм-рационализм; эмпиризм-априоризм; интернализм - экстернализм; эссенциализм - репрезентатизм; методологизм - творчество; натурализм - культурологизм; сциентизм - гуманизм; позитивизм-трансцендентализм, и др. Принцип бинарной оппозиции заключается в конструировании знания по принципу «либо-либо» в отношении сторон познаваемого предмета. Этот принцип является сущностью рассудочного мышления с его разведением противоположностей по различным аспектам или уровням системы. Конструктивным же принципом мышления на более высоком уровне, на уровне разума, является (диалектический) синтез противоположных характеристик системы. Очевидно, что он не может непосредственным синтезом противоположностей (иначе система будет формально логически противоречивой, что, конечно, недопустимо с позиций рациональности), а только опосредованным. Такой синтез всегда предполагает введение некоторого третьего, промежуточного элемента между противоположностями, который должен обладать некоторыми свойствами каждой из синтезируемых противоположностей. Это – самая творческая задача при создании непротиворечивой модели любой диалектической системы. Например, диалектический синтез эмпирического и теоретического знания осуществляется с помощью введения такого посредствующего звена между этими противоположными видами научного знания как эмпирическая интерпретация теории, которая осуществляется с помощью особого класса утверждений – интерпретативных предложений, называемых

часто также правилами соответствия. **Четвертый принцип.** В реальной науке не существует универсального научного метода, который можно было бы с равным успехом применять в разных познавательных ситуациях, в разных областях науки и на разных уровнях научного познания, о создании которого мечтали классические философы. Функции такого «метода» выполняет множество общенаучных методов познания, комбинация из которых каждый раз создается применительно к конкретной познавательной ситуации. Методологическая истина столь же конкретна, как и другие научные истины [12; 13]. **Пятый принцип.** Создание универсальной диалектической модели научного знания и познания возможно только на пути синтеза (диалектического обобщения) частных моделей научного познания. Такое обобщение возможно осуществить только при соблюдении двух следующих условий: 1) выявление объективного содержания (реконструкция «рационального зерна») каждой из частных моделей и 2) снятие с каждой из них абсолютизированной формы и вызванных ею ошибок в истолковании реального процесса научного познания. Например, эмпиризм абсолютизирует значение эмпирического уровня познания в науке и данных наблюдения и эксперимента как основы и критерия истинности научного знания. Теоретизм же, напротив, преувеличивает относительную самостоятельность теоретического познания по отношению к данным опыта и его роль в динамике научного знания. Иррационализм преувеличивает роль интуиции и личностное измерение научного знания и познания. Прагматизм явно преувеличивает зависимость научного познания от практической деятельности и недооценивает мировоззренческое значение научного знания. Интернализм недооценивает влияние на развитие научного знания и познания социокультурных факторов и абсолютизирует значение внутренней логики в развитии познания и т.д. Указанный выше способ построения позитивно-диалектической модели научного познания выводит ее на более высокий уровень философско-методологического знания по сравнению с обобщаемыми в её рамках частными эпистемологическими моделями. А именно – на метатеоретический уровень познания. При этом очевидно, что дальнейшее развитие содержания позитивно-диалектической модели эпистемологии науки будет в существенной степени зависеть от появления новых частных моделей структуры и динамики научного познания.

Выводы

1. Философия науки в своем развитии прошла ряд этапов. Первый этап ее развития начался в античности и продолжался до середины XIX века. Это был этап изучения науки с позиций философии как метафизики, где научное познание изучалось как особый вид когнитивной деятельности человека в рамках общей теории сознания как главного предмета философии. Этот этап в осмыслении научно-познавательной деятельности имел вектор от философии к науке, к тому, чем должна быть наука с позиций общей философской теории сознания. В рамках этого этапа были созданы и конкурировали между собой две основных парадигмы философии научного познания: эмпиризм (крайняя форма – сенсуализм) и рационализм (крайняя форма – априоризм). Второй крупный этап в развитии философии науки начался с середины 19 века и продолжается до сих пор. Его вектор в осмыслении феномена науки имел противоположную направленность по сравнению с предыдущим этапом. Он имел направление формирования содержания философии науки от эмпирического изучения реальной науки и ее истории к построению адекватных общих (философских) моделей науки и научного познания. Здесь главной целью философии науки является ответ на вопрос не о том, какой наука должна быть с позиций некоторых идеальных представлений философии о сознании, а о том, какой наука реально является со всеми своими «плюсами и минусами». Такая модель науки возможна только как продукт самосознания науки и ученых над своими целями, содержанием, структурой, методами, функциями и возможностями [9].

2. Современная философия науки прошла в своем развитии несколько стадий. Это: классическая, неклассическая и постнеклассическая философия науки. Каждая стадия была представлена различными конкурирующими в ее рамках парадигмами научного познания, его структуры и методов. В классической философии науки это были эмпирико-индуктивизм, априоризм, эмпириокритицизм, конвенционализм, логический позитивизм, неокантианство, феноменология, прагматизм, инструментализм. В неклассической

философии науки: фальсификационизм, методология научно-исследовательских программ, эволюционная эпистемология, методологический анархизм, радикальный конструктивизм. В постнеклассической философии науки: культурно-исторический анализ динамики и структуры науки, социология науки, аксиология науки, праксиология науки, антропология науки, герменевтика, постструктурализм, синергетическая парадигма науки [17].

3. Наиболее универсальной и многомерной парадигмой современной философии науки является позитивно-диалектическая парадигма структуры науки, научного знания и их динамики. Она исходит из принципиально гетерогенного и диалектически противоречивого характера структуры науки, многофакторной (объектной, социально-культурной, историко-научной и субъектной) детерминации функционирования и развития науки [6;8].

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта 16-23-01004"а(м)" РГНФ-БФФИ «Философско-методологические и естественнонаучные основания современных биологических и экологических концепций».

Литература

1. Лебедев С.А. История философии науки // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2009. №1. С. 5-66.
2. Лебедев С.А. Индукция как метод научного познания. М.: Издательство Московского университета. 1980. 192 с.
3. Лебедев С.А. Методология науки: проблема индукции. М., 2013. 192 с.
4. Лебедев С.А. Постнеклассическая эпистемология: основные концепции // Философские науки. 2013. №4. С. 69-83.
5. Лебедев С.А. Философия научного познания: основные концепции. М.: Московский психолого-социальный университет. 2014. 272 с.
6. Лебедев С.А. Пересборка эпистемологического // Вопросы философии. 2015. № 6. С. 53-64.
7. Лебедев С.А. Основные парадигмы эпистемологии и философии науки // Вопросы философии. 2014. №1. С. 72-82.
8. Лебедев С.А. Основные положения позитивно-диалектической парадигмы философии науки//Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2014. №3. С. 7-13.
9. Лебедев С.А., Коськов С.Н. Эпистемология и философия науки: Классическая и неклассическая. М.: Академический проект. 2014. 295 с.
10. Лебедев С.А., Коськов С.Н. Конвенционалистская философия науки // Вопросы философии. 2013. №5. С. 59-69.
11. Лебедев С.А., Коськов С.Н. Постпозитивизм: выход за пределы эмпиризма // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2013. №2. С. 7-17.
12. Лебедев С.А., Лебедев К.С. Существует ли универсальный научный метод? // Вестник Тверского Государственного университета. Серия: Философия. 2015. № 2. С. 56-72.
13. Лебедев С.А., Лебедев К.С. Проблема универсального научного метода // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2015. № 3. С. 7-22.
14. Лекторский В.А. Эпистемология: классическая и неклассическая. М., 2010.
15. Современная философия науки. Хрестоматия. / Сост. Печенкин А.А. М., 1996.
16. Степин В.С. История и философия науки. М.: Академический проект. 2011.
17. Философия науки. Хрестоматия. Отв. ред. Л.А. Микешина. М., 2006.
18. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. Под общей ред. И.Т. Касавина. М., 2009.

References

1. Lebedev S.A. Istorija filosofii nauki // Nove v psihologo-pedagogicheskikh issledovaniyah. 2009. №1. S. 5-66.
2. Lebedev S.A. Indukcija kak metod nauchnogo poznanija. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 1980. 192 s.
3. Lebedev S.A. Metodologija nauki: problema indukcii. M., 2013. 192 s.

4. Lebedev S.A. Postneklassicheskaja jepistemologija: osnovnye koncepcii // Filosofskie nauki. 2013, №4. S. 69-83.
5. Lebedev S.A. Filosofija nauchnogo poznaniya: osnovnye koncepcii. M.: Moskovskij psihologo-social'nyj universitet.. 2014. 272 s.
6. Lebedev S.A. Peresborka jepistemologicheskogo//Voprosy filosofii. 2015. № 6. S. 53-64.
7. Lebedev S.A. Osnovnye paradigmy jepistemologii i filosofii nauki // Voprosy filosofii. 2014. №1. S. 72-82.
8. Lebedev S.A. Osnovnye polozhenija pozitivno-dialekticheskoy paradigmy filosofii nauki // Novoe v psihologo-pedagogicheskikh issledovanijah. 2014. №3. S. 7-13.
9. Lebedev S.A., Kos'kov S.N. Jepistemologija i filosofija nauki: Klassicheskaja i neklassicheskaja. M.: Akademicheskij proekt. 2014. 295 s.
10. Lebedev S.A., Kos'kov S.N. Konvencionalistskaja filosofija nauki // Voprosy filosofii. 2013. №5. S. 59-69.
11. Lebedev S.A., Kos'kov S.N. Postpozitivizm: vyhod za predely jempirizma // Novoe v psihologo-pedagogicheskikh issledovanijah. 2013, №2. S. 7-17.
12. Lebedev S.A., Lebedev K.S. Sushhestvuet li universal'nyj nauchnyj metod? // V estnik Tverskogo Gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija. 2015. № 2. S. 56-72.
13. Lebedev S.A., Lebedev K.S. Problema universal'nogo nauchnogo metoda // Novoe v psihologo-pedagogicheskikh issledovanijah. 2015. № 3. S. 7-22.
14. Lektorskij V.A. Jepistemologija: klassicheskaja i neklassicheskaja. M., 2010.
15. Sovremennaja filosofija nauki. Hrestomatija. Sost. Pechenkin A.A. M., 1996.
16. Stepin V.S. Istorija i filosofija nauki. M.: Akademicheskij proekt. 2011.
17. Filosofija nauki. Hrestomatija. Otv. red. L.A. Mikeskina. M., 2006.
18. Jenciklopedija jepistemologii i filosofii nauki. Pod obshej red. I.T. Kasavina. M., 2009.

УДК 1

История философии науки: основные этапы и парадигмы

Сергей Александрович Лебедев

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Российская Федерация
Доктор философских наук, профессор
E-mail: saleb@rambler.ru

Аннотация. В статье реконструировано содержание основных этапов и главных концепций философии науки в ее историческом развитии. Двумя историческими этапами развития философии науки являются: «метафизический» этап и позитивный этап. На первом этапе философия науки была имманентной частью философии как теоретической формы мировоззрения, а именно философской теорией научного познания или «эпистемологией». На втором этапе своей эволюции философия науки стала частью самосознания самой науки в ее стремлении осознать свои цели, возможности и основания. На втором этапе философия науки прошла в своем развитии три своих состояния: классическое, неклассическое и постнеклассическое. Каждое из них было представлено множеством альтернативных концепций или парадигм. Наиболее полной и адекватной из них явилась позитивно-дialeктическая парадигма. Она основана на признании принципиально противоречивого характера как структуры науки и научного знания, так и его развития.

Ключевые слова: наука, эпистемология, классическая философия науки, неклассическая философия науки, постнеклассическая философия науки, позитивно-дialeктическая парадигма.